

Научно-исследовательский журнал «Исторический бюллетень / Historical Bulletin»
<https://hb-journal.ru>

2025, Том 8, № 7 / 2025, Vol. 8, Iss. 7 <https://hb-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.6.4. Этнология, антропология и этнография (исторические науки)

УДК 821.21/.22

Образы эпохи саманидов (IX-X вв.) в текстах современных поэтов Таджикистана

¹ Болашенкова Е.А.,

¹ Санкт-Петербургский государственный университет

Аннотация: Эпоха Саманидов (IX-X вв.) – один из важнейших ориентиров исторической политики постсоветского Таджикистана. Вместе с образами зороастрийской культуры и арийского прошлого отсылки к временам Саманидов образуют своеобразную триаду исторической памяти. В связи с этим современный Таджикистан представляет собой перспективное поле для изучения в рамках дисциплины memory studies (изучение памяти). Одно из показательных проявлений памяти о Саманидах – отражение их истории в текстах современных поэтов Таджикистана. Мы рассмотрим два сборника поэзии на таджикском языке: «Хафт синехр» – «Семь небесных сфер» или «Семь судеб» (А. Сайфуллоев, 1999 г.) и «Эъчози Раҳмон» – «Чудо Раҳмона» (коллектив из ста сорока восьми авторов, 2011 г.) – и проанализируем некоторые поэтические находки в них с исторической и антропологической точек зрения. Отдельный интерес для нас представляет и жанровое разнообразие представленных стихов. Среди мотивов, на которых мы сосредоточим внимание – образ эмира Исмаила Самани (правил в 892–907 гг.) как идеального правителя и заботливого хозяина, роль сасанидского военачальника Баҳрама Чубина, преемственность между эпохами Сасанидов, Саманидов и современностью, образы городов Самарканда и Бухары, мотив стены Бухары, символика короны, обращение к зороастрийскому божеству Ахура Мазде и древнему иранскому понятию фарра. Интересен для нас оказался и выбор авторами тех или иных слов и выражений, а также стилизация текстов под образцы классической персидской литературы.

Ключевые слова: Таджикистан, историческая память, memory studies, литература, поэзия, культурная антропология, Саманиды

Для цитирования: Болашенкова Е.А. Образы эпохи саманидов (IX-X вв.) в текстах современных поэтов Таджикистана // Исторический бюллетень. 2025. Том 8. № 7. С. 179 – 189.

Поступила в редакцию: 16 июля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 14 сентября, 2025 г.; Принята к публикации: 23 октября 2025 г.

Images of the Samanid epoch (9th-10th centuries ad) in modern Tajikistan's poetry

¹ Bolashenkova E.A.,

¹ Saint Petersburg University

Abstract: The Samanid epoch (9th-10th centuries AD) is one of the most prominent themes in modern Tajikistan's history politics. Along with Zoroastrian culture and Aryan past, references to the Samanids form a specific memory triad. Hence modern Tajikistan appears to be a promising research field within memory studies. One of the peculiar ways memories of the Samanids are being revived today is the representation of their history in poetry. In this article, we are attempting to analyze two collections of poems: “Хафт синехр” – “Seven Heavenly Spheres”, or “Seven Fortunes” (A. Sayfulloev, 1999) and “Эъчози Раҳмон” – “The Miracle of Rahmon (148 authors, 2011)

and comment on some literary findings from a historian and anthropologist's perspective. Another subject worth mentioning is the genre diversity of the poems featured in the books. Among the recurring motifs are: the image of amir Ismail Samani (reigned 892-907 AD) as an ideal ruler, the Sassanid military leader Bahram Chobin, the continuity between the Sassanid and Samanid epochs and modernity, the cities of Samarkand and Bukhara, the wall of Bukhara, symbolism of a crown, the Zoroastrian god Ahura Mazda, and the ancient Iranian concept of *farr*. Moreover, we are going to focus on stylistical peculiarities inspired by classical Persian texts.

Keywords: Tajikistan, historical memory, memory studies, literature, poetry, cultural anthropology, the Samanids

For citation: Bolashenkova E.A. *Images of the Samanid epoch (9th-10th centuries ad) in modern Tajikistan's poetry. Historical Bulletin. 2025. 8 (7). P. 179 – 189.*

The article was submitted: July 16, 2025; Approved after reviewing: September 14, 2025; Accepted for publication: October 23, 2025.

Введение

Обращение к образам древности и средневековья – одна из наиболее заметных тенденций как в исторической науке, так и во внутренней политике, искусстве и культурной жизни современного Таджикистана. Это проявляется в особенном отношении к литературному наследию (например, издание поэмы “Шахнаме” большими тиражами и съемки посвященных ей детских телепередач), историческим личностям (открытие памятника Киру Великому в Душанбе), доисламским традициям (празднование дней Навруз, Тиргон, Мехртон и Сада на государственном уровне).

Среди особенно популярных сегодня сюжетов прошлого – эпоха и государство Саманидов (IX-X вв.). Связанные с этой династией темы стали особенно востребованы в постсоветский период: после 1991 г. появилось большое количество работ, посвященных ей. Во многих из них государство Саманидов со столицей в Бухаре, основанное эмиром Исмаилом (892-907 гг.) и просуществовавшее на территории Мавераннахра и Хорасана более столетия, характеризуется как эталонное, а сама эпоха именуется золотым веком.

Наследие Саманидов не только вызывает интерес у таджикских историков, выступая одним из популярных направлений исследований, но и всё чаще оказывается на слуху у обычных граждан: достаточно вспомнить, что валюта, введенная в Таджикистане в 2000 г., была названа «сомони». Увековечивание Саманидов происходит на государственном уровне: имя Исмаила Самани получают улицы, населенные пункты, географические объекты. В ряде городов в его честь были возведены памятники (причем возможно уже, хоть и с некоторой осторожностью, говорить о возникновении и закреплении новой иконографии этого исторического лица).

О современных представлениях, связанных с эпохой Саманидов, можно судить как по матери-

альным свидетельствам (экспозиции в музеях, плакаты на улицах городов, памятники, картины, логотипы), так и по нематериальным (официальные речи и статьи президента Таджикистана Эмомали Рахмона, тексты школьных учебников истории, монографии, научные и научно-популярные статьи).

Память о прошлом в постсоветском Таджикистане проявляется как через официальный государственный дискурс и принимаемые на высоком уровне меры, так и через представления граждан страны, их высказывания и творчество. Образы, популяризируемые государством, могут восприниматься людьми по-иному и жить в общественном сознании собственной жизнью. В связи с этим нас будет интересовать не только и не столько сама эпоха Саманидов с точки зрения историка, сколько историческая политика и трансформация исторической памяти, имеющие значение для антрополога.

В этой статье мы рассмотрим, как именно изображают этот исторический период и его герояев поэты Таджикистана в постсоветские годы.

Материалы и методы исследований

В 1999 г. увидел свет поэтический сборник “Ҳафт синехр” («Семь небесных сфер» или «Семь судеб») А. Сайфуллоева (1933-2017), общественного деятеля и литератора, секретаря Союза писателей Таджикистана, главного редактора «Таджикской советской энциклопедии» [27]. Произведение имеет подзаголовок «Сборник стихотворений о династии Саманидов» (“Маҷмӯаи манзу маҳо дар бораи Сулолаи Сомониён”) и представляет собой творческую попытку изложить историю династии в стихах. В предисловии автор упоминает 1100-летие государства Саманидов, торжественно праздновавшееся в Таджикистане в 1999 г. и приуроченные к нему научные публикации, а также повторяет тезис президента Эмомали Рахмона о важности опыта Саманидов в сфере

государственного управления для Таджикистана сегодняшнего [27, с. 3]. Как поясняет далее сам автор, название сборника обозначает семь выдающихся личностей эпохи Саманидов, которые были избраны им для описания. Книгу автор посвящает 1100-летию государства Саманидов и любителям поэзии [27, с. 7].

Спустя два года, в 2011 г. в Таджикистане был издан большой сборник стихов, приуроченный к двадцатилетию независимости республики и получивший название “Эъчози Раҳмон” («Чудо Раҳмона»). В нем представлены произведения 148 поэтов (в аннотации к книге особо подчеркивается: среди них есть как профессиональные литераторы, так и поэты-любители, представляющие простой народ). Произведения различны по объему, стилю и тематике. Тем не менее в них выделяется несколько наиболее популярных мотивов. Один из них – эпоха Саманидов.

Наши задачи – отобрать наиболее показательные фрагменты текстов из названных выше изданий, дать их подстрочный перевод с таджикского языка на русский, проанализировать их с исторической и культурно-антропологической точек зрения, найти отсылки к образам эпохи Саманидов, встречающиеся в них, и объяснить их связь с современными реалиями Таджикистана.

Результаты и обсуждения

Начнём исследование с упомянутого сборника “Ҳафт сипех”, опубликованного в 1999 г. В нём рассмотрены следующие семь фигур: сасанидский военачальник Бахрам Чубин, основоположник династии Саман-худат, правители Асад, Нуҳ, Ахмад, Наср и, наконец, эмир Исмаил (правил в 892–907 гг.) – пожалуй, наиболее почитаемая в сегодняшнем Таджикистане фигура.

Остановимся на личности Бахрама Чубина – главнокомандующего сасанидской армии, вероятно, знатного, но не царского происхождения (иногда его связывают с парфянским домом Мехранов). Возведение генеалогии Саманидов к сасанидскому окружению вообще представляется крайне интересной проблемой. Б.Г. Фрагнер в своей работе «Персофония» уделяет внимание этому фактору как весьма показательному, однако ставит истинность такой генеалогии под сомнение и расценивает такое происхождение как «пожалуй, фиктивное» [17, с. 63]. Б.Г. Фрагнер подчеркивает то обстоятельство, что Бахрам Чубин выступает мятежником против династийной власти, провозгласившим сам себя шахиншахом Бахрамом VI [17, с. 64]. Достойной размышлений автор находит и ту подробность, что представители тюркской династии Газневидов, сменившей Саманидов, также возводили собственную генеалогию к близ-

кому кругу Сасанидов, причем не к спорной фигуре Баҳрама Чубина, а напрямую к последнему сасанидскому шахиншаху Йездигерду III. Таким образом, заключает автор, Газневиды хотели превосходить Саманидов [17, с. 64].

Исследователи также полагают, что к Сасанидам возводили своё происхождение и две иранские династии времен Арабского халифата, соперничавшие в своё время с ранними Саманидами: Тахириды и Саффариды [4, с. 101].

Советские историки называли Баҳрама (Вахрама) Чубина талантливым полководцем, достигшим богатства и славы и попытавшимся по этой причине претендовать на царский престол. Его действия характеризуются как восстание против Хосрова II и неудавшаяся попытка захвата власти. О его предполагаемом благородном происхождении не говорится ничего [11, с. 67].

К.Э. Босворт в «Энциклопедии ислама» характеризует раннюю историю Саманидов как «неясную» (*obscure*) [18, с. 1026]. Согласно исследователю, они могли происходить либо из Согда, либо из Тохаристана к югу от Амударьи, вероятно, из мелких землевладельцев области Балха. Впоследствии развивается традиция, связывающая Саманидов с аристократическим происхождением, восходящим к сасанидскому военному герою Баҳраму Чубину. Ссылаясь на ал-Бируни, К.Э. Босворт предполагает, что эти притязания Саманидов признавались всеми [18, с. 1026]. Также, согласно К.Э. Босворту, первый известный нам представитель династии, Саман-худат, изначально исповедовал зороастризм, однако позже принял ислам и назвал своего сына Асадом в честь омейядского наместника Хорасана того времени [18, с. 1026].

Так или иначе, автор поэтического сборника начинает повествование с древнейших времен: вспоминает ариев и времена Авесты, борьбу Спитамена против войск Александра Македонского и восстание Муканны против арабских правителей, эпического героя Рустама и легендарного царя Джамшида, Кушанскую державу, династии Сасанидов, Тахиридов и Саффаридов. Процитируем такие, особенно показательные строки:

Созмони давлате осон набуд,

Давлати тоҷик то Сомон набуд [27, с. 11].

Устройство государства было не просто,

Государства таджиков не было до Самана.

Далее автор переходит к главе о Баҳраме Чубине и первыми же строками поддерживает версию о царском происхождении династии, причем к царскому дому здесь относится и сам Баҳрам Чубин:

Ниёғони Сомон, ки шоҳон буданд,
Тавонотарин шаҳриёрон буданд.

...
Зи Баҳроми Чӯбина оғоз шуд
Қабоили Сомонӣ монанди рӯд [27, с. 13].
Предки Самана, которые были царями,
Были самыми могущественными из правите-
лей.

...
С Бахрама Чубина начался
Род Саманидов, словно река.
Бахраму Чубину, согласно поэту, благоволит
сам Ахура Мазда (*Хурмуз*). Сам же доблестный
Бахрам, в свою очередь, действует во славу зоро-
астрийского божества и описывается в безусловно
положительном ключе [27, с. 23].

Решительным и твердым почитателем Ахура
Мазды (*ахуропарасте ба азму субот*) показан
здесь и Саман-худат – первый известный нам
представитель династии, до обращения в ислам
исповедавший зороастризм [18, с. 1026]. Автор
не игнорирует факта принятия Саман-худатом ис-
лама, однако, даже описывая это событие его жиз-
ни, он не забывает о священной книге зороастриз-
ма *Авесте* и продолжает говорить о ней наряду с
Кораном:

*Авестою Қуръон чу нури хирад
Ба некӣ ҷаҳонро тавонад барад* [27, с. 26].
Авеста и Коран, как свет разума,
Могут привести мир к благу.

Эмиру Исмаилу Самани посвящено тринацать
глав и около половины объема книги. Главы име-
ют следующие названия: «Исмаил Самани. После
отца» (*Исмоили Сомонӣ. Баъд аз сари падар*),
«Исмаил – эмир Бухары. Первые разногласия с
Насром» (*Исмоил – амири Бухоро. Аввалин ихти-
лоф бо Наср*), «Победа Исмаила над хорезмийца-
ми. Нападение Насра на Бухару и победа эмира
Исмаила» (*Зафар ёфтани Исмоил бар хоразмиён. Хуҷуми Наср ба Буҳоро ва ғалабаи амир Исмоил*),
«Эмир Исмаил – щит Бухары» (*Амир Исмоил – сипари Бухоро*), «Исмаил – эмир Мавераннахра»
(*Исмоил – амири Мовароуннаҳр*), «Эмир Исмаил и
распространение ислама» (*Амир Исмоил ва густа-
риши ислом*), «Эмир Исмаил – защитник народа»
(*Амир Исмоил – пуштибони ҳалқ*), «Интриги [ха-
лифа] Мутазида и война Амра ибн Лейса с эмиром
Исмаилом» (*Фитнаи Мӯътазид ва ҷанги Амри
Лайс бо Амир Исмоил*), «Второе выступление Ам-
ра ибн Лейса против Исмаила и снова его пораже-
ние» (*Размоварии дуюми Амри Лайс алайҳи Исмо-
ил ва тақроран шикаст ҳӯрдани ў*), «Овладение
эмиром Исмаилом новыми землями» (*Ишорае аз
кишваркушиони Амир Исмоил*), «Эмир Исмаил и
единство многоконфессиональных народов»
(*Амир Исмоил ва вахдати мардумони гуногун-
мазҳаб*), «Эмир Исмаил и структура государства

Саманидов» (*Амир Исмоил ва соҳтори давлати
Сомониён*), «Эмир Исмаил и духовная культура»
(*Амир Исмоил ва маънавият*).

Вот как описывает автор личность эмира Исма-
ила и его ценности:

*Фикри ободии кишвар дар сараи,
Нақшаҳои рушиди миллати дар бараи.
То бисозад ҳалқи худ осудаҳол,
Серу пур, ором, бо молу манол* [27, с. 55].
Мысли о процветании страны в его голове,
Планы развития нации в его груди.
Чтобы сделать свой народ обеспеченным,
Сытым и зажиточным, [живущим] в покое и
[владеющим] имуществом.

В процитированном отрывке интерес для нас
представляют два обстоятельства. Первое – ис-
пользование современной лексики применительно
к средневековым реалиям, прежде всего в строчке
о «планах развития нации». Слово *миллат*
(«национация») напоминает нам в первую очередь
о постсоветских лозунгах о независимости; в по-
вествовании об эпохе Саманидов более ожидаемым
могло бы стать слово «народ» (*ҳалқ* или *мар-
дум*). Второе – подчеркивание важности покоя,
мира и стабильности, крайне характерное для Та-
джикистана после гражданской войны 1992-1997
г.

Особенно подробно описывается благородство
Исмаила по отношению к брату Насру. Согласно
поэтическому сборнику, даже одержав военную
победу над Насром и окончательно установив
свою власть в Бухаре, Исмаил обращался с побеж-
денным великодушно:

*Бо барадар шеваи ёрӣ намуд,
Бо садоқат лутфу ғамхорӣ намуд.
Дасти ў бӯсиду гуфто: – «Эй амир,
Эй ба адлу дод марди беназир!
Ман туро ҷои падар меҳонамаши,
Бар мане некӯназар медонамаши.
Ҳарҷӣ фармойӣ, адо ҳоҳам намуд,
То абад бо ту вафо ҳоҳам намуд»* [27, с. 58].
С братом он завел дружеские речи,
Искренне, с лаской и заботой.
Поцеловал его руку и сказал: «О, эмир,
О, муж, несравненный в справедливости и пра-
восудии!

Призываю тебя на место [нашего] отца,
Признаю твоё схождение надо мной.
Что ни прикажешь, я исполню,
И до конца буду соблюдать преданность тебе».

Также мы встречаем в тексте упоминание муд-
рости и образованности эмира Исмаила, крайне
типичное для его образа, создаваемого в постсо-
ветской художественной и научной литературе.
Кроме того, мы можем наблюдать игру слов, ос-

нованную на созвучности *точик* («таджик», «таджикский») и *точ* («венец», «корона»):

Ўҳирадманду закӣ, соҳибӯнар,

Бар сари аҷодди тоҷик тоҷи зар.

Донииши ў мисли дарёи равон,

Илму фазлаши шӯълаи нури ҷаҳон [27, с. 60].

Он – разумный и рассудительный, одаренный,

[Он] золотой венец на голове предков таджиков.

Знание его подобно бегущей реке,

Ученость и мудрость его – лучи света.

Еще одна характерная черта образа эмира Исмаила Самани, нашедшая отражение в рассматриваемом тексте – его забота о подданных. В стихах А. Сайфуллоева этому уделяется особенное внимание. Здесь мы встречаем мотивы, звучащие довольно современно и актуально: например, единение народа между собой и с правителем как источник независимости и процветания. В связи с этим стоит вспомнить словосочетание *ваҳдати милли* (национальное единство), которое сегодня нередко можно встретить в официальном государственном дискурсе (например, в лозунгах на плакатах на улицах городов). Это понятие, обретшее особенный смысл после ожесточенной гражданской войны 1990-х гг., в последние три десятилетия выступает одной из важнейших ценностей руководства Таджикистана.

Чун амири одили мардумпараст,

Ҷуз ба ҳалқу мамлакат меҳре набаст.

Ҳалқи мо аз иттифоқ озод шуд,

Мамлакат аз иттиҳод обод шуд.

Иттиҳоди мо нишонт оғоз кард,

Шоҳро бо мардумон ҳамроҳ кард.

Ибни Сомон раҳбари маҳбуб шуд,

Ҳалқҳоро чехраи матлуб шуд [27, с. 60].

Как эмир справедливый и преданный народу,

Он ничто не любил так, как народ и страну.

Наш народ благодаря согласию стал свободным,

Страна благодаря единению стала процветать.

Наше единение породило радость,

Сделало шаха и людей друзьями.

Сын Самана стал любимым вождем,

Стал народу желанным лицом.

Отдельного внимания заслуживает глава об отношении эмира Исмаила к религиозному многообразию на подчиненных ему землях. Согласно автору, Исмаил Самани не выказывал явного предпочтения ни суннитскому, ни шиитскому течению в исламе и, кроме того, отдавал дань уважения и другим верам: зороастризму, манихейству, маздакизму. Политика Исмаила, согласно этой главе, состояла в терпимом отношении к любым идеологиям, исповедовавшимся на террито-

рии его государства, без ярко выраженной поддержки той или иной силе. Автор приписывает Исмаилу следующие слова:

Суннӣ гӯё ҷону шиа тан бувад,

Ҳар ду ҳам аркони ин миҳан бувад.

Шиа гар ҷон аст, суннӣ ҷисми ў,

Ҳар ду аз як гавҳару ду қисми ў.

Суннимазҳаб, шиъамазҳаб муслиманд,

Ёру ёвар, ду бародар муқబиланд.

Мурғи давлатро баробар болу пар,

Ҳарду бо ҳам – миллати соҳибзафар.

Ҳар мазоҳибро шаҳ озодӣ бидод,

Аҳли динро хуррамӣ, шодӣ бидод.

Дину он раванаけば афзун дошт,

Ҳар яки он хосса як мазмун дошт.

Дини зардуштӣ расид аз бостон,

Монавия зинда шуд аз баъди он.

Маздакия боқӣ аз Маздак, ки буд,

Кавмҳое шеъри онро месуруд [27, с. 86].

Суннизм словно душа, а шиизм – тело,

Оба – суть столпы этого дела.

Если шиизм – душа, то суннизм – тело,

Оба – две части из одной сущности.

И суннитский толк, и шиитский толк – мусульмане,

Друзья и товарищи, два счастливых брата.

У птицы государства есть крыло и крыло,

Оба они вместе – победоносная нация.

Каждой вере шах даровал свободу,

Верующим даровал процветание, радость.

Веры и религии стали развиваться,

У каждой из них был собственный смысл.

Вера Заратуштры пришла из древности,

После неё зародилось манихейство.

Маздакизм остался от Маздака,

Призывы которого повторяли народы.

Наконец, в последней главе, посвященной эмиру Исмаилу и духовной культуре, упоминается наследие трех особенно популярных сегодня деятелей культуры эпохи IX-X вв.: стихи Рудаки, «Шахнаме» Фирдоуси и трактаты Ибн Сины «Книга знания» (*Донишнома*) и «Книга исцеления» (*Шифо*). Интересно, что все эти деятели не были современниками Исмаила и служили при дворе последующих Саманидов, его преемников. Тем не менее здесь мы не в первый раз наблюдаем характерную для сегодняшнего дня тенденцию связывать все наиболее яркие и важные достижения эпохи Саманидов именно с эмиром Исмаилом.

Перейдём к разбору изданного в 2011 г. большого сборника стихов 148 поэтов, приуроченного к двадцатилетию независимости республики и получившего название «Эъҷози Раҳмон» («Чудо Раҳмона»).

В представленных в сборнике работах обраща-

ют на себя внимание частые параллели между президентом Таджикистана Эмомали Раҳмоном и эмиром Исмаилом Самани. Президент называется здесь и Исмаилом нашего времени (*Исмоили даврони мо*), и его преемником либо наследником (*ҷониишн*), и новым Исмаилом (*Исмоили нав*), и Исмаилом Вторым (*Исмоили Сонӣ*), и славным наследником либо продолжателем (*вориси нек*) рода Самана, и последователем рода Самана (*пайрави Оли Сомон*), и происходящим от Саманидов (*аз тухмаи Сомони*), и плотью от плоти потомства Самана (як тан *аз авлоди Сомон*), и живым символом рода Самана (*нишони зиндае аз Оли Сомон*). Он нередко называется эмиром (*амир*) и ещё чаще – шахом (*шоҳ*). Оба этих титула использовались в свое время и саманидскими правителями.

Заметим, что подобные сравнения со временем распространились и на сына президента, с 2017 г. – мэра Душанбе, Рустама Эмомали. В 2018 г. таджикский певец Зиёвиддин Нурзод посвятил ему песню “Шаҳриёр” («Правитель»). В ней Рустам Эмомали называется потомком рода Самана (*аз табори Оли Сомон*) [9]. Текст песни и видеоклип к ней показывают мэра заботливым хозяином, благоустраивающим свой город. Эти отсылки напоминают об образе саманидского эмира как *қадҳудо* (справедливого хозяина, старосты), к которому часто обращается в своих речах и сам президент.

Довольно часто Эмомали Раҳмон сравнивается с Исмаилом Самани на основании тех или иных действий:

Ҳамчӯ Исмоили Сомон ваҳдате эҷод кардӣ [23, с. 355].

Подобно Исмаилу Саманиду ты создал единство.

Можно встретить и отсылки к довольно интересному сюжету о стене Бухары:

Ту меъмори тамоми Тоҷикистонӣ.

Ту девори тамоми ҳонадони тоҷикони рӯи дунёй,

Чу Исмоили Сомонӣ! [26, с. 277].

Ты - архитектор всего Таджикистана.

Ты - стена всего таджикского рода на земле,
Как Исмаил Самани!

Фраза «Пока я жив, я – стена Бухары» (*To зиндаам, девори Бухоро манам*, вариант: “*To зинда бошам, бораи Бухоро ман бошам*”) приписывалась эмиру Исмаилу историком Х. в. Наршахи, автором «Истории Бухары» [10, с. 46]. Сегодня она регулярно цитируется и является, вероятно, одним из наиболее известных высказываний этого правителя. По сообщению Наршахи, Исмаил освободил жителей Бухары от ежегодного налога на укрепление городской стены (называемой в народе

«кампирак» – «старушка»), возведённой в своё время для того, чтобы «турки не могли проникать в Бухарскую область». Исмаил же, позволив стене прийти в разрушение, объяснял свое решение тем, что его власти и силы достаточно, чтобы держать врагов на расстоянии. «То, что обещал, он выполнил; он постоянно принимал личное участие в сражениях и не давал врагам овладеть бухарской областью» [10, с. 47].

Несколько реже встречаются уподобления Эмомали Раҳмона другим выдающимся личностям эпохи Саманидов. Например, врачу и философу Абу Али ибн Сине:

*Тӯӣ
бēҳин корсоз,
ки эъмор мекунӣ
девори Исмоили Сомонии дилҳоро.*

*Ва Бӯаливоре
бо даҳ ангушии ҳунар
дар шикастабандии устуҳони миллат!* [25, с. 104].

Ты – лучший защитник,
ведь ты возводишь
Исмаилову стену сердец.
И подобен Бу Али,
вправляя кости нации
десятью пальцами мастерства.

Отсылки к средневековым сюжетам, содержащие при этом современные слова и выражения, вообще встречаются довольно часто. Еще один яркий пример:

*Шукӯҳу фарри Сомон дар ҷабини ў,
Зи фахри миллати худ сина моломол.
Чу шоҳи бомурувват сӯи таҳт омад,
Лаболаб ҷом шуд аз шаҳди истиқол* [24, с. 229].

Величие и сияние Самана на его челе,
Грудь полна гордости за свою нацию.
Когда благородный шах взошел на престол,
Кубок до краев наполнился медом независимости.

В приведенном выше отрывке интересен выбор слова *фарр* – в современном таджикском языке «сияние», «блеск» либо «великолепие». Понятие *фарр* возникло в древнем, доисламском Иране, где означало некую божественную благодать, приходящую к человеку и дарующую ему право на царскую власть, величие и удачу (но способную также и покинуть его). А.Е. Бертельс определяет *фарр* как «божественное благословение, озаряющее шаха и дарующее ему силу, удачу и победы» [2, с. 278]. Так, Авеста рассказывает о легендарном царе Джамшиде (Йиме), обретшем *фарр*, а затем лишившемся его [1, с. 158; 6, с. 73; 20, с. 54; 15, с. 228; 7, с. 118]. Тот же сюжет, с некоторыми вариа-

циями, есть и в «Шахнаме» у Фирдоуси [16, с. 27; 6, с. 65]. Внешне фарр может принимать различные формы, в том числе зооморфные [13, с. 38]. Например, он может выглядеть как большая хищная птица, газель или столб пламени [2, с. 279]. В позднейших наскальных рельефах фарр мог изображаться также в виде нимба [3, с. 37]. С божественным фарром связывалось и могущество Сасанидских царей (III–VII вв.): например, в легендах о приходе к власти Ардашира I (III в.) его фарр принимает облик красивого большого барана [8, с. 6; 2, с. 279; 5, с. 54; 19, с. 54], по другой версии – тура с золочеными рогами [16, с. 653]. В.Г. Луконин говорит о понятии *фарр-е кейян* («царская удача»), употреблявшемся в источниках сасанидского времени [8, с. 6]. Примечательно, что, согласно персоязычным работам Э. Яршатера, фарр принадлежит только иранцам, а от их врагов «бежит» [21, с. 38].

Прокитируем также современного таджикского философа и культуролога А. Турсона, который пишет так: «Древнеиранский *фар*, поэтически воспетый Фирдоуси, достался именно таджикам. Их политический первенец – Саманидское царство – фактически принял историческую эстафету, начатую Ахеменидами и продолженную Сасанидами и, таким образом, открыл новую страницу в многовековой истории ираноязычных народов» [14, с. 34].

Жанровое разнообразие стихов в сборнике напоминает о наследии классической персидской поэзии. Здесь есть и четверостишия-рубай (*рубоиҳо*), и тексты, стилизованные под эпос (например, о строительстве Рогунской ГЭС на реке Вахш), и объемная поэма-маснави (*маснавӣ*) о городе Душанбе, и панегирики-касыды (*қасида*), очевидно, вдохновленные средневековыми касыдами, прославлявшими властителей.

Особенный интерес представляет небольшое стихотворение “*Ояд ҳаме*” [22, с. 109], явно отсылающее к знаменитому “*Бӯи ҷӯи Мӯлиён ояд ҳаме*” («Ветер, вея от Мульяна») Абу Абдаллаха Джрафа Рудаки, поэта эпохи Саманидов. По легенде, это стихотворение Рудаки в свое время заставило саманидского эмира Насра вернуться в столицу – Бухару – после долгого отсутствия. У современного же автора фигурируют такие места как Хатлон (*Хутталон*), под которым, вероятно, подразумевается родина президента Э. Рахмона (Хатлонская, бывшая Кулябская область), и Қасри Арбоб (Дворец Культуры Арбоб в Согдийской Области, играющий важную роль в культурной и политической жизни современного Таджикистана).

Слова “*Бӯи ҷӯи Мӯлиён*” упоминаются и в другом стихотворении [29, с. 282]. В нем Душанбе

Эмомали Рахмона сопоставляется с Самаркандом и Бухарой саманидских эмиров и уподобляется прекрасному саду, земному раю (*боги Ирам*) – еще один древний образ, имевший распространение в классической персидской поэзии. В этом сказочном месте оживает Рудаки, а воздух наполняется ароматом реки Мульян.

Интересна и символика короны (*тоҷ*), встречающаяся у ряда поэтов. Корону с семью звездами можно увидеть и на флаге Таджикистана, и на ряде эмблем. Иногда можно встретить этимологию (не признаваемую, впрочем, большинством исследователей), возводящую этноним «таджик» (*тоҷик*) к слову *тоҷ*. В любом случае, этоозвучие охотно обыгрывается в стихах и порождает запоминающуюся метафору.

Приведем еще несколько примечательных цитат.

Андар тани миллати қуҳан ҷон омад,

Бо ҳукми қазову амри Яздон омад.

Аз пушти ҳазор сол навмедиҳо

Сомонии нав ба таҳти сомон омад! [32, с. 190].

В тело древней нации вошла жизнь,

Вошла по воле, предопределению и приказу Бога.

После тысячи лет отчаяния

Новый Самани взошел на престол порядка.

В этом четверостишии привлекает внимание сразу несколько любопытных моментов. Во-первых, намек на несколько веков правления в Мавераннахре династий тюркского и монгольского происхождения, последовавших за эпохой Саманидов. Этот период назван временем безнадежности и противопоставлен периодам до и после. Во-вторых, Бог назван иранским словом *Яздон*, которое может ассоциироваться не только и не столько с Аллахом и исламом, сколько с древней зороастрийской традицией (в ряде стихов авторы использовали также слово *худо* с тем же значением). Зороастрийское наследие играет важную роль в культурной политике постсоветского Таджикистана, а его изучение поощряется. Наконец, примечательна игра слов, основанная на многозначном существительном *сомон* («порядок» либо «могущество», «сила», «богатство») иозвучном с названием династии Саманидов. Упоминание «порядка» может быть также намеком на установление мира после кровопролитной гражданской войны, погрузившей Таджикистан в хаос в 1990-е гг. Окончание гражданской войны и приход к власти Эмомали Рахмона зачастую идут рука об руку в официальном дискурсе Таджикистана.

Любопытно и стихотворение, в котором автор представляется как «наследник Саман-худата, таджик»: “*Вориси Сомонхудоям, тоҷикам*” [30, с.

344]. В данном случае к династии Саманидов возводится не президент, а сам автор как представитель своего народа, причем в качестве предка назван не основатель могущественного государства Исаил, а его предок Саман-худат, родонаучальник династии. В том же стихотворении Исаил фигурирует не как *Исмоили Сомонӣ*, а как *Исмоили Сомоннажод*. У иранского слова *нажод* есть значения «род, племя», «раса» и «происхождение», а кроме того, оно выступает в качестве составной части некоторых иранских фамилий, наглядно отличая их от фамилий арабского происхождения, в которых не бывает звука [ж].

Еще одна характерная цитата:

*Як раҳмате шуд аз Ҳудо,
Кард ў туро сарвар ба мо.
Эй пайрави Сомониён,
Аз насли поки Ориё,
Эмомали Раҳмони мо.
Исмоили даврони мо!
Гардида чун ҷон дар бадан,
Эҳё намудӣ халқи ман.
Баъди шаби садсолаҳо,
Рӯшинаӣ омад бар Ватан.
Эмомали Раҳмони мо,
Нурӣ ту дар ҷашмони мо!
Рӯзе, ки сар қардӣ ба кор,
Қардӣ ту ваҳдатро шиор.
Бо ҷаҳди ту шуд дар ватан,
Сулҳу амонӣ барқарор.
Эмомали Раҳмони мо,
Боаҳду бопаймони мо! [31, с. 211].
Милость пришла от Бога,
Он сделал тебя главой над нами.
О, последователь Саманидов,
Из чистого потомства ариев,
Наш Эмомали Рахмон.
Исмаил нашего времени!
Словно душа вернулась в тело,
Ты возродил наш народ.
После ночи длиною в века,
Свет пришел на Родину.
Наш Эмомали Рахмон,
Ты свет наших очей!
В день, когда ты взялся за дело,
Ты сделал девизом единство.
Твоими стараниями на Родине
Установились мир и спокойствие.
Наш Эмомали Рахмон,
В союзе и согласии с нами!*

В этом отрывке отражены сразу несколько тенденций: аналогии между Эмомали Рахмоном и саманидскими эмирами, обращение к арийской древности, иранский термин для Бога – *худо*. В очередной раз используется образ многовековой

темноты (очевидно, снова имеется в виду период владычества неиранских династий). Особенно интересно слово Эҳё («Возрождение»), получившее широкое распространение в постсоветских научных работах, посвященных эпохе Саманидов. О возрождении таджикской культуры и самого народа спустя века говорит в своих речах и президент Эмомали Рахмон: «Культура таджиков, возвращавшая в себя достижения тысячелетий, не исчезла. Более того, народ возродился в XX веке, несмотря на попытки ассимиляции его в некоторых районах расселения» [13, с. 139]. Тема единства, мира и спокойствия, очевидно, снова отсылает к окончанию гражданской войны. В официальных речах самого Э. Рахмона часто подчеркивается миролюбие Исаила Самани, вынужденный характер его войн с братом Насром и кочевниками в начале пути и дальнейшее стремление к спокойной и безопасной жизни. Стока о союзе и согласии с народом перекликается с темой *қадхудо* из ряда речей президента – темой правителя, выступающего по отношению к своим землям прежде всего как заботливый хозяин.

Подобные мысли можно заметить и в следующем отрывке:

*Исмоили Сомонӣ, қ-ӯ шоҳи тавоно буд,
Ҳам шоҳи тавоно буд, ҳам зирақу доно буд.
Бо нерӯи имонаи девори Бухоро буд,
Дар мулки Бухорояи ўшӯҳра ба дунё буд.
Эмомали Раҳмонӣ, аз тухмани Сомонӣ,
Ҳам шоҳи бафарҳангу ҳам сарвари ирфонӣ.
Он ҷангӣ балоангез, он душмани хуношом,
Аз мулк бадар бинмуд бо фазлу ба пурдонӣ [28, с. 301].*

Исаил Самани, что был могущественным шахом,

Был шахом и могущественным, и сведущим, и мудрым.

Силою своей веры он был стеной Бухары,
В своем Бухарском царстве он был славен на весь мир.

Эмомали Рахмон происходит от Саманидов,
Он и просвещенный шах, и духовный глава.

Ту злополучную войну, того кровожадного врага

Он изгнал из царства с помощью учености и ума.

Выводы

Подводя итоги, можно назвать основные черты, придаваемые эпохе Саманидов современными таджикскими поэтами: преемственность между династиями Саманидов и Сасанидов, память о доисламской культуре и ценностях зороастризма, справедливость эмиров и их любовь к своему народу, забота о его безопасности и покое (мотив

стены Бухары). Власть правителей, в том числе эмира Исмаила Самани, нередко связывается с божественной избранностью, однако Бог называется не Аллахом, а иранскими словами *Яздан* и *худо*, иногда он прямо называется Ахура Маздой (*Хурмуз*). Используется уходящий корнями в древность образ *фарра*, дарующего власть и удачу.

Романтизируются образы утраченных территорий: Самарканда и Бухары. Период правления неиранских династий описывается как темные века. Характерны также отсылки к таким фигурам Саманидской эпохи, как врач и философ Абу Али ибн Сина и «Адам поэтов» Рудаки.

Список источников

1. Авеста: Избранные гимны; Из Видевдата: пер. с авестийского И. М. Стеблин-Каменского. М.: Дружба народов, КРАМДС – Ахмед Ясови, 1992. 208 с.
2. Бертельс А.Е. Художественный образ в искусстве Ирана IX-XV веков (Слово, изображение). М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1997. 422 с.
3. Бертельс Е.Э. История персидско-таджикской литературы. М.: Издательство восточной литературы, 1960. 556 с.
4. Грюнебаум Г.Э. фон. Классический ислам. Очерк истории (600-258). М.: Наука, 1988. 216 с.
5. Дашков С.Б. Цари царей – Сасаниды. Иран III-VII вв. в легендах, исторических хрониках и современных исследованиях. М.: СМИ-АЗИЯ, 2008. 356 с.
6. Короглы Х.Г. Взаимосвязи эпосов народов Средней Азии, Ирана и Азербайджана. М.: Наука, 1983. 336 с.
7. Крюкова В. Ю. Зороастризм. СПб.: Азбука-классика, 2005. 285 с.
8. Луконин В. Г. Культура сасанидского Ирана. Иран в III-V в. Очерки по истории культуры. М.: Главная редакция восточной литературы, 1969. 244 с.
9. Надиров Б. «Потомок Саманидов»: таджикский певец посвятил песню Рустаму Эмомали // Интернет-портал ASIA-Plus [Электронный ресурс]. URL: <https://www.asiaplustj.info/news/tajikistan/society/20180913/potomok-samanidov-tadzhikskii-pevets-posvyatil-pesnyu-rustamu-emomali> (дата обращения: 16. 07. 2023).
10. Наршахи М. История Бухары: пер. с перс. / Под ред. В.В. Бартольда. 2-е изд. М.: ЛЕНАНД, 2016. 125 с.
11. Пигулевская Н.В., Якубовский А.Ю., Петрушевский И.П., Строева Л.В., Беленицкий А.М. История Ирана с древнейших времен до конца XVIII века. Л.: Издательство Ленинградского университета, 1958. 390 с.
12. Рахимов Р.Р. Коран и розовое пламя (Размышления о таджикской культуре) / Отв. ред. В.Ю. Крюкова. СПб.: Наука, 2007. 387 с.
13. Раҳмонов Э.Ш. Таджикский опыт истории и открытость будущему. Размышления накануне десятилетия независимости Таджикистана. 6 сентября 2001 г. // Раҳмонов Э.Ш. Независимость Таджикистана и возрождение нации. Том четвёртый. Душанбе: Ирфон, 2006. С. 133 – 142.
14. Турсон А. Самандар и Зулкарнайн: к историософии таджиков // Таджики: история, культура, общество / Отв. ред. М.Е. Резван. СПб: МАЭ РАН. 2014. С. 5 – 63.
15. Чунакова О.М. Пехлевийский словарь зороастрейских терминов, мифических персонажей и мифологических символов. М.: Восточная литература, 2004. 284 с.
16. Фирдоуси А. Шах-наме. М.: Художественная литература, 1972. 798 с.
17. Фрагнер Б.Г. «Персофония». Региональность, идентичность, языковые контакты в истории Азии. М.: Фонд Марджани, 2018. 133 с.
18. Bosworth C. E. Sāmānids. 1. History, literary life and economic activity // The Encyclopaedia of Islam. Vol. VIII. Leiden: Brill, 1995. P. 1025 – 1029.
19. Katouzian H. The Persians: Ancient, Mediaeval and Modern Iran. New Haven, London: Yale University Press, 2010. 465 с.
20. Ҳамӯзгар Ж. Тарӣҳ-и асатӣрӣ-ӣӣ Йӯн. Тегеран: Саъмани мутали‘а ва тадвӣни кутуби ‘улӯми инсаний (CMT), Маркази таҳқиқ ва тауси‘а-ӣӣ ‘улӯми инсаний, 1380 с. х./2001. 104 с.
21. Йаршатир Э. Даҳтәнхә-ӣӣ Йӯн-и бастән. Тегеран: Шаркат-и интишарат-и ‘ilmӣ ва фарҳангӣ, 1393 с. х./2014. 137 с.
22. Аҳмад З. Ояд ҳаме // Эъҷози Раҳмон (Маҷмӯаи шеърҳо дар васфи Президенти Ҷумҳурии Тоҷикистон Эмомали Раҳмон). Душанбе: Ирфон, 2011. С. 109.

23. Бунёд Ш. Шахсавори миллати мо (Эҳдо ба Президенти мамлакат Эмомалий Раҳмон) // Эъчози Раҳмон (Мачмӯаи шеърҳо дар васфи Президенти Чумхурии Тоҷикистон Эмомалий Раҳмон). Душанбе: Ирфон, 2011. С. 355.
24. Мукаррам Р. Субҳи истиқлол // Эъчози Раҳмон (Мачмӯаи шеърҳо дар васфи Президенти Чумхурии Тоҷикистон Эмомалий Раҳмон). Душанбе: Ирфон, 2011. С. 229.
25. Начот Д. Бозтоби ваҳдат // Эъчози Раҳмон (Мачмӯаи шеърҳо дар васфи Президенти Чумхурии Тоҷикистон Эмомалий Раҳмон). Душанбе: Ирфон, 2011. С. 103 – 105.
26. Осимӣ С. Ало, мъемори ин кишвар! // Эъчози Раҳмон (Мачмӯаи шеърҳо дар васфи Президенти Чумхурии Тоҷикистон Эмомалий Раҳмон). Душанбе: Ирфон, 2011. С. 276 – 277.
27. Сайфуллоев А. Ҳафт сипехр (Мачмӯаи манзумаҳо дар бораи Сулолаи Сомониён). Хуҷанд: Нашриёти давлатии ба ном Раҳим Ҷалил, 1999. 101 с.
28. Ҳадиса. Эмомалий Раҳмонӣ // Эъчози Раҳмон (Мачмӯаи шеърҳо дар васфи Президенти Чумхурии Тоҷикистон Эмомалий Раҳмон). Душанбе: Ирфон, 2011. С. 301.
29. Ҳисорӣ С. Тоҷикон // Эъчози Раҳмон (Мачмӯаи шеърҳо дар васфи Президенти Чумхурии Тоҷикистон Эмомалий Раҳмон). Душанбе: Ирфон, 2011. С. 282.
30. Шахрия. Мехри миллат // Эъчози Раҳмон (Мачмӯаи шеърҳо дар васфи Президенти Чумхурии Тоҷикистон Эмомалий Раҳмон). Душанбе: Ирфон, 2011. С. 344–345.
31. Шодӣ О. Исмоили даврони мо // Эъчози Раҳмон (Мачмӯаи шеърҳо дар васфи Президенти Чумхурии Тоҷикистон Эмомалий Раҳмон). Душанбе: Ирфон, 2011. С. 211 – 214.
32. Шоҳинбод М. Сомонии нав // Эъчози Раҳмон (Мачмӯаи шеърҳо дар васфи Президенти Чумхурии Тоҷикистон Эмомалий Раҳмон). Душанбе: Ирфон, 2011. С. 190.

References

1. Avesta: Selected Hymns; From Videvdat: Translated from the Avestan by I. M. Steblin-Kamensky. Moscow: Druzhba Narodov, KRAMDS – Akhmed Yasov, 1992. 208 p.
2. Bertels A.E. Artistic Image in Iranian Art of the 9th-15th Centuries (Word, Image). Moscow: Publishing Firm "Vostochnaya Literature" of the Russian Academy of Sciences, 1997. 422 p.
3. Bertels E. E. History of Persian-Tajik Literature. Moscow: Publishing House of Eastern Literature, 1960. 556 p.
4. Grunbaum G.E. von. Classical Islam. An Outline of History (600-258). Moscow: Nauka, 1988. 216 p.
5. Dashkov S.B. Kings of Kings – the Sassanids. Iran in the 3rd-7th centuries in legends, historical chronicles, and modern research. Moscow: SMI-ASIA, 2008. 356 p.
6. Korogly H.G. Interconnections between the epics of the peoples of Central Asia, Iran, and Azerbaijan. Moscow: Nauka, 1983. 336 p.
7. Kryukova V.Yu. Zoroastrianism. St. Petersburg: Azbuka-classic, 2005. 285 p.
8. Lukonin V.G. The Culture of Sassanid Iran. Iran in the 3rd-5th centuries. Essays on the History of Culture. Moscow: Main Editorial Board of Eastern Literature, 1969. 244 p.
9. Nadirov B. "Descendant of the Samanids": a Tajik singer dedicated a song to Rustam Emomali. Internet portal ASIA-Plus [Electronic resource]. URL: <https://www.asiaplustj.info/news/tajikistan/society/20180913/potomok-samanidov-tadzhikskii-pevets-posvyatil-pesnyu-rustamu-emomali> (date of access: 16.07.2023).
10. Narshakhi M. History of Bukhara: trans. from Persian. Ed. by V.V. Bartold. 2nd ed. Moscow: LENAND, 2016. 125 p.
11. Pigulevskaya N.V., Yakubovsky A.Yu., Petrushevsky I.P., Stroeva L.V., Belenitsky A.M. History of Iran from Ancient Times to the End of the 18th Century. Leningrad: Leningrad University Publishing House, 1958. 390 p.
12. Rakhimov R.R. The Koran and the Pink Flame (Reflections on Tajik Culture). Ed. V.Yu. St. Petersburg: Nauka, 2007. 387 p.
13. Rakhmonov E.Sh. Tajik Experience of History and Openness to the Future. Reflections on the Eve of the Decade of Independence of Tajikistan. September 6, 2001. Rakhmonov E.Sh. Independence of Tajikistan and the Revival of the Nation. Volume Four. Dushanbe: Irfon, 2006. P. 133 – 142.
14. Turson A. Samandar and Zulkarnayn: Toward a Historiosophy of the Tajiks. History, Culture, Society Ed. M.E. Rezvan. St. Petersburg: MAE RAS. 2014. P. 5 – 63.
15. Chunakova O.M. Pahlavi Dictionary of Zoroastrian Terms, Mythical Characters, and Mythological Symbols. Moscow: Vostochnaya Literatura, 2004. 284 p.
16. Firdausi A. Shahnameh. Moscow: Khudozhestvennaya Literatura, 1972. 798 p.

17. Fragner B.G. "Persophony." Regionality, Identity, and Language Contacts in the History of Asia. M.: Marjani Foundation, 2018. 133 p.
18. Bosworth C. E. Sāmānids. 1. History, literary life and economic activity. The Encyclopaedia of Islam. Vol. VIII. Leiden: Brill, 1995. P. 1025 – 1029.
19. Katouzian H. The Persians: Ancient, Mediaeval and Modern Iran. New Haven, London: Yale University Press, 2010. 465 p.
20. Āmūzgar Zh. Tārīkh-i asāṭīrī-yi Īrān. Tehran: Sāzmāni mutālī'a wa tadvini kutubi 'ulūmi insāni (SMT), Markazi tahkīk wa tausī'a-yi 'ulūmi insāni, 1380 p. x./2001. 104 p.
21. Yarshantir E. Dāstānkhā-yi ārān-i bastan. Tehran: Sharkat-i intisārāt-i 'ilmi wa farhangi, 1393 p. x./2014. 137 p.
22. Axmad Z. Oyad xame. Ečozi Rxmon (Маҷмӯai sheҳo dar vasfi Presidenti Ҷумҳuriya Toҷikiston Emomali Rxmon). Dushanbe: Irfon, 2011. P. 109.
23. Bunyod Sh. Shaxsavori millati mo (Exdo ba Presidenti mamlakat Emomali Rakhmon). Ečozi Rakhmon (Маҷмӯai sheҳo dar vasfi Presidenti Ҷумҳuriya Toҷikiston Emomali Rakhmon). Dushanbe: Irfon, 2011. P. 355.
24. Mukarram R. Subxi istiqlol. Ečozi Rxmon (Маҷмӯai sheҳo dar vasfi Presidenti Ҷумҳuriya Toҷikiston Emomali Rxmon). Dushanbe: Irfon, 2011. P. 229.
25. Naçot D. Boztobi vaxdat. Ečozi Rxmon (Маҷmӯai sheҳo dar vasfi Presidenti Ҷумҳuriya Toҷikiston Emomali Rxmon). Dushanbe: Irfon, 2011. P. 103 – 105.
26. Osimi S. Alo, memory in kishvar! Ečozi Rahmon (Маҷmӯai sheerxо dar vasfi Presidenti Ҷумҳuriya Toҷikiston Emomali Rahmon). Dushanbe: Irfon, 2011. P. 276 – 277.
27. Sayfulloev A. Xaft sipexr (Маҷmӯai manzumaxo dar borai Sulolai Somoniyon). Khukhand: Nashriyoti davlatii ba nom Rahim khalil, 1999. 101 p.
28. Hadith. Emomali Rakhmon. E'kozi Rakhmon (Маҷmӯai she'rxо dar vasfi Presidenti Ҷumhuria Toqikiston Emomali Rakhmon). Dushanbe: Irfon, 2011. P. 301.
29. Xisori S. Toҷikon. Ečozi Rakhmon (Маҷmӯai sheҳo dar vasfi Presidenti Ҷумҳuriya Toҷikiston Emomali Rxmon). Dushanbe: Irfon, 2011. P. 282.
30. Shakhria. Mexri millat. Ečozi Rxmon (Маҷmӯai sheҳo dar vasfi Presidenti Ҷумҳuriya Toҷikiston Emomali Rxmon). Dushanbe: Irfon, 2011. P. 344 – 345.
31. Shodi O. Ismoili davroni mo. Ečozi Rahmon (Маҷmӯai sheerxо dar vasfi Presidenti Ҷумhuriya Toҷikiston Emomali Rahmon). Dushanbe: Irfon, 2011. P. 211 – 214.
32. Shokhinbod M. Somoni Nav. Ečozi Rakhmon (Маҷmӯai sherxо dar vasfi Presidenti Ҷумhuriya Toҷikiston Emomali Rakhmon). Dushanbe: Irfon, 2011. P. 190.

Информация об авторе

Болашенкова Е.А., старший преподаватель, Санкт-Петербургский государственный университет

© Болашенкова Е.А., 2025